КАКЪ СЕБѢ ЖИВУТЪ

ВАСИЛЬ ВАСИЛИЧЪ СЪ МАРЬЕЙ ВАСИЛЬЕВНОЙ.

Пошла коза со свѣтомъ на базаръ, купить луку, петрушки, да маткиной душки; козелъ всталъ, велѣлъ поставить самоваръ — ждетъ, пождетъ — нѣтъ моей подружки! — Подпоясался, надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу, козу поджидать, домой провожать. Анъ глядь: ужъ провожатый нашелся. «Ну, говоритъ, стало быть я обчелся!»

Тряхнулъ головой, помоталъ бородой — пошелъ плакаться на бѣду свою сосѣдкѣ; засталъ тамъ и другую пичугу въ клѣткѣ: сидитъ у коровушки овца — а коровушка была ей замѣстъ роднаго отца. Позабылъ козелъ свойскую бѣду, размемекался съ овцей про горохъ да лебеду — и видно бесѣда ему показалась; время ушло, — не видалъ, какъ сталось.

Пришла коза домой — ждать пождать — все пусто, козла не видать. «Экой рогачъ!

ему дома не сидится; по горамъ, по доламъ, да съ молодыми козочками повозиться!» Оглянулся козелъ — а коза подъ окномъ, и глядитъ, не розсыпью, а глядитъ комкомъ... Простился съ овцой, коровушкѣ поклонился, выскочилъ въ окно — и ужъ радъ бы не бранился, — да коза вишь пырнула рогами въ бока, «проучу, говоритъ, таскаться дурака.» Онъ на нее, она на него — бранились долго, а нѣтъ толку ничего. Пришли домой: «Макаръ, а Макаръ! готовъ ли намъ самоваръ?» — Макара нѣтъ, самовара нѣтъ; былъ ли не былъ, а ужъ слѣдъ простылъ.

«А гдѣ нашъ лукъ? а гдѣ петрушка?» Бѣжитъ Макаръ, вислоухая чушка, хрюкаетъ, въ землю глядитъ, самъ ничего не говоритъ. Лукъ, петрушку съѣлъ, самоваръ проглядѣлъ, а бѣгалъ по сосѣдству къ какому–то хаму, — скупаться, говоритъ, въ помойную яму.

Давай бить Макара: такъ заступилась хозяйка его Аксинья, супоросая свинья, стряпуха на ботвинье, на тюрю, на окрошку, на такое блюдо, гдѣ всего по

немножку; — буренушка сосѣдка заступилась за козла; Машка–коза верблюда привела, — а верблюдъ–то и провожалъ ее съ базару. Отъ крику дымъ коромысломъ, ровно съ пожару; сосѣди кричатъ: «поддайте пару!» Захрюкали у Аксиньи восемнадцать поросятъ — и всѣ кричатъ и ревутъ и шумятъ... Пришелъ городовой, въ тонкой фуражкѣ — большой песъ меделянской, по прозванью Хватайло, а съ нимъ и борзой и гончій Шукайло; — козу въ мѣшокъ, да въ лубокъ, да подъ лавку: козла тудажъ, да и верблюда на прибавку; Макаръ съ Аксиньей поплатились щетиной; буренушку обругали, назвали скотиной, а овца, на чужомъ пиру съ похмѣлья, взята ужъ за одно — для общаго веселья.

Мететъ улицу козелъ и хвостомъ вертитъ; подметаетъ и коза, на него не глядитъ; буренушка жвачку жуетъ, лопатой загребаетъ; овечка плачетъ, отъ людей стыдъ хоронитъ, куда глядѣть не знаетъ; верблюдъ морду отворачиваетъ, словно понюхалъ табаку — а козлу не новинка, онъ

битъ бывалъ на вѣку. Городовой тутъ же присѣлъ, для порядку, щетки вяжетъ изъ щетинки, что сорвалъ съ Аксиньи, съ Макара, да съ какой–то третьей свинки.

Козелъ нашъ причисленъ нынѣ къ черному народу, но дѣдъ у него былъ не простаго роду: однодворецъ, изъ панцырныхъ бояръ, а потому и внукъ вышелъ весельчакъ, скрыпачъ и гусляръ. Съ него, однакожъ, ни шерсти, ни молока; — отпустили домой дурака. Онъ прямо за чарку, за балалайку; заложилъ бѣгуна въ таратайку; пошелъ съ горя пить да кататься, сталъ хмѣльнымъ дѣломъ, да пѣснями заниматься. Гуляетъ день деньской съ утра до обѣда, — нашелъ, вишь, маслянку среди мясоѣда!

Пошла коза — а и она не изъ простыхъ: изъ посадскихъ — пошла по людямъ, искать утѣшенiй братскихъ, плакать по мужѣ — «такой–де козелъ, что нѣтъ его хуже. Съ той поры, говоритъ, какъ взяли его на расправу, человѣкъ сталъ совсѣмъ крутаго нраву; не то мало били, не то испортили молодца, — а все кто? все, чайть, овца!

Такая дѣвка озарница, ужъ вотъ въ мать пошла, да въ отца!» Поправила коза на себѣ юпку да платокъ, пошла дальше, къ сосѣдямъ, протверживать урокъ.

Лежитъ козелъ въ потьмахъ на печи; нѣтъ дома ложки, ни плошки, нѣтъ свѣчи. Одурѣлъ, голова болитъ, хозяйка ворчитъ, на душѣ мутитъ. Теперь бы ему соленый огурецъ, да хрѣну, — такъ и заикнуться не смѣетъ; молчитъ, да постукиваетъ, лежа, рогами въ стѣну. Что было въ карманѣ, Васька все прогулялъ; поясъ да ключъ отъ сундука потерялъ: по этому случаю онъ и пріостановился, — остепенился. Пришелъ городовой, проситъ на чай: «не скупись, говоритъ, Василь Василичъ, подай; хлопотъ было много и съ ней и съ тобой; что дѣлать станешь, на то я городовой.»

И всѣ остались такимъ случаемъ довольны: Макаръ съ Аксиньей, — что не дали ихъ бить; Васька козелъ, — что самъ пересталъ пить, что остались еще на спинѣ пробѣлы, что ключъ потерялъ, да деньги цѣлы; Машка–коза, — что мужъ дома сидитъ, на овцу и не глядитъ, жену не

бьетъ, не бранитъ, а самъ про себя молчитъ; доволенъ и воришка, что самоваръ утащилъ — и приставъ доволенъ, что дешево его купилъ; остался доволенъ и городовой: у него дѣло чужое, а ужъ видно свой; поднесла Марья Васильевна ему полынной, да Василь Василичъ поблагодарилъ, далъ пяти–алтынный. И пошло опять дѣло на ладъ, живутъ себѣ Васька съ Машкой никой кладъ.

В. ДАЛЬ